

Ольга Сичкар

Родилась в Красноярске в 1980 году. Журналист, редактор. Работала в газетах «РБК», «Коммерсант», международном информационном агентстве Reuters. Сейчас заместитель главного редактора газеты «Культура». С 2019 года публикуется на литературном портале Textura. Лауреат конкурса очень короткого рассказа «Две ладони». Учится на Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького (семинар Е. А. Попова). Живет в Москве.

РОЗОВЫЕ НОСОЧКИ И НИЧЕГО ЛИШНЕГО

В неполные восемнадцать лет с самыми романтическими представлениями о журналистике я пришла работать в газету «Угрешские вести» подмосковного города Дзержинского. Перво-наперво меня поставили писать про коммунальные службы. Но моей житейской мудрости и способностей в дипломатии безнадежно не хватало для этой деликатной темы.

Жители ругались на коммунальщиков, коммунальщики — на жителей и администрацию, а администрация повелевала газете писать умиротворяющие заметки. Протекла крыша и затопила пару квартир? Ура, товарищи! Как своевременно вскрылась давняя проблема! Доблестные коммунальные службы под мудрым руководством администрации все исправят, и процветание в нашем любимом городе наступит уже совершенно бесповоротно!

Едва вылупившийся из школы птенец оказался непригоден для создания таких высокопрофессиональных мотивирующих текстов. Месяц или два спустя меня перекинули «на культурку». Эта тема оказалась мне под силу, но неделя шла за неделей, и вот меня уже мутило от нескончаемых детсадовских утренников и выступлений хора ветеранов «Красная гвоздика».

Я было совсем приуныла, как вдруг наш главный редактор, которого все любили за флегматизм и огромные пушистые усы, вызвал меня в свой кабинет. Кабинетишко его был так мал, что сидеть в нем мог только сам редактор, занимая вместе усами и письменным столом большую часть пространства. Кроме него, в кабинет могли втиснуться стоя один или пара, но очень худых (и безусых) посетителей, поэтому вызывал он к себе в исключительных случаях.

Улыбаясь в свои невероятной густоты усы, редактор рассказал об ответственном задании, которое редакция решила мне поручить. Нужно было взять интервью у эстрадного артиста господина О*, который через неделю давал концерт в нашем местном дворце культуры. Высокий уровень доверия к начинающему автору объяснялся просто: хотя до Москвы было недалеко, но ради статьи тащиться туда сначала на автобусе, а потом на метро никто из взрослых журналистов не хотел.

Я тут же всем сердцем приняла важность поставленной задачи и решила сделать самое лучшее на свете интервью с певцом О*. Публикация на две газетные страницы — 13.000 знаков с двумя большими фотографиями артиста — должна была выйти накануне концерта.

Ехать на интервью мне предстояло не куда-нибудь, а прямо к господину О* домой. Меня это, конечно же, ничуть не насторожило. Приходила же я на интервью в гости к пенсионерке Анне Никаноровне? Она поила меня чаем с кизилковым вареньем и жаловалась на холодные батареи.

Оказалось, что господин О* занимает недалеко от центра Москвы не просторные хоромы, а только одну комнату в коммуналке. В полутемном коридоре меня встретил медведеподобный мужчина с большой головой и черными волосами до плеч. Впечатление эстрадный певец на меня произвел не очень приятное. С широкого лица из-под мохнатых бровей на меня смотрели

глазки-буравчики, нос был длинноват, а руки — волосаты до самых перстней. На десяти пальцах перстней было не меньше пяти штук. От него пахло духами столь тяжелыми, что мне захотелось распахнуть входную дверь и глотнуть воздуха снаружи. Пусть в подъезде пованивало кошками, но дышалось легче.

Эстрадный певец оценивающе оглядел меня с головы до розовых носочков и повел по длинному коридору в свою берлогу. Его комната демонстрировала героические усилия хозяина уместить на обидно тесном пространстве множество дорогих сердцу и просто дорогих сувениров и подарков. Она была забита ими сверху донизу. На кресле возлежала пятнистая шкура какого-то экзотического животного, стены плотными рядами покрывали картины, гобелены, карнавальные маски, сабли и кинжалы в парчовых чехлах, а с верхней полки шкафа нависали, грозя рухнуть, коробки с дорогим алкоголем. На стеклянном журнальном столике стояла тяжелая золоченая ваза.

Увидев, с каким изумлением я изучаю его скромных размеров обиталище, он с обидой в голосе пробормотал, что в прошлом году развелся и временно приходится жить в тесноте, так как квартира досталась жене.

Я примостилась на краешке дивана (сесть в кресло на роскошную пятнистую шкуру мне не хватило смелости) и разглядывала две фотографии, выбранные для публикации, а сам О* тем временем ушел на кухню за чаем с конфетами.

И тут случилось страшное. Я выронила одну из фоторафий и она скользнула вглубь дивана, между подлокотником и сидением. Рука в эту узкую щель не пролезала. Я попробовала и левой, и правой, но туда даже кончики пальцев протискивались с трудом... В моем воображении пронеслось: в комнату возвращается О* и, чтобы достать фотографию, раскладывает диван... Мысль о разложенном диване так глубоко меня поразила, что я сразу же просунула руку в щель почти по локоть, чуть не сломала кисть и достала из дивана не только фотографию, но и женский капроновый носок. За дверью тем временем слышались неторопливые медвежьи шаги господина О*. Они приближались неотвратимо. Я с ужасом посмотрела на чужой капроновый носок у себя в руке, затолкала его в горло позолоченной вазы и замерла.

Хозяин квартиры вернулся с тарелкой фруктов, с которой живописно свисала гроздь винограда. Отвечать на мои вопросы он не спешил, а вместо этого включил медленную музыку и подсел ко мне на диван. Птенец был почти в панике и убежал бы подальше из дома этого донжуана прямо в розовых носочках... Но как же интервью? Как же 13.000 знаков? Разве можно вернуться в редакцию ни с чем?

О* стал угощать меня виноградом. Как в сцене из низкосортного романтическо-эротического фильма, он оторвал от грозди виноградину и поднес к моим губам. Я машинально схватила ягоду зубами и судорожно проглотила. О* посмотрел на меня с беспокойством. Я попыталась вздохнуть, но виноградина встала поперек горла. Я кашлянула изо всех сил, слезы брызнули из глаз, ягода вылетела, ударилась в стенку шкафа и, покотившись по полу, замерла у ног О*. Фрукты он мне больше не предлагал.

Зато знаменитый артист решил спеть. Пел он громко, перебивая музыкальную фонограмму, хорошо поставленным сильным баритоном. В тот момент я не могла оценить его вокальные данные, вместо этого не зная, куда провалиться. Я боялась господина О* с его волосатыми руками в перстнях, но еще больше мучило, что обо мне могут подумать его соседи по коммуналке... «Опять проститутку привел? На этот раз еще и малолетнюю!»

— Я был в Ватикане, — тем временем рассказывал мне О*, — пел перед Папой Римским. Он сказал: «Ах, как прекрасно!» — заплакал и поцеловал меня в лоб.

Я с сочувствием представила себе понтифика Павла II, который беспомощно сидит в своем инвалидном кресле и, как и я, не может убежать от господина О*.

После получаса песен и плясок вокруг меня («Оленька, ты любишь коньяк? У меня есть отличный!», «А давай потанцуем?!») у известного артиста закончилась фантазия или силы. Притихший, он шагал по комнате, жевал виноград и прилежно отвечал на мои вопросы.

В коридоре, накидывая мне на плечи плащ (о, небо, мое избавление в двух шагах!), эстрадный певец спросил негромко, любясь звучанием своего бархатного баритона:

— Оленька, ты ко мне еще приедешь?

Я приоткрыла дверь, одной ногой шагнула на лестничную клетку и, ободренная повеявшим запахом свободы с нотками кошачьей мочи, ответила:

— Ни за что!

В редакции я в красках рассказала о пережитых ужасах старшему товарищу — многоопытной Маргарите, отвечавшей в газете за всё, что связано с городскими службами и администрацией. Лет двадцать нас отделяло от момента, когда мы слышали, что такое харрасмент, и узнали, что его нужно непримиримо клеймить. А тогда, в конце девяностых, моя коллега цинично и весело над этим посмеялась.

— Знаешь, как я начинала писать про коммунальные службы? — спросила меня Рита. — Второй месяц работала. Пошла делать репортаж про эпохального масштаба прорыв канализации. Там, у оврага. Вонь — на полгорода. Я поскользнулась и упала в эту жижу почти что по самые плечи! Хорошо — не захлебнулась! Коммунальщики меня вчетвером оттуда вытягивали. И вот стою, обтекаю. А Пал Саныч, заммэра, меня по плечу похлопал и говорит: «Ну вот, Рита, теперь ты настоящий журналист!»

Марго огрела меня ладонью по спине.

— Каждому свое дерьмецо! С боевым крещением тебя!

Но на этом не закончилась моя история с господином О*. Я, как отвечающая за «культурку», обязана была посетить концерт известного артиста в нашем ДК, чтобы «осветить событие в газете». К тому же мне предстояло вернуть господину О* две его фотографии. Кто, если не я? Сама брала, сама и отдавай...

Как я отсидела концерт — помню плохо. Полтора часа смотреть на поющего и мечущегося по сцене господина О* было отчего-то стыдно. Но еще большая мука мне предстояла после выступления. Минут двадцать я простояла в фойе, прислонясь к стенке. Публика разбирала пальто в гардеробе, одевалась у длинного зеркала и с легкой душой отправлялась по домам. А мне нужно было возвратить фотографии... Я решила, что в примерку к господину О* не пойду, а просуну их под дверь и уйду. Но этого и не понадобилось.

За сценой в полном разгаре было застолье, по провинциально-местечковому пышно называемое «банкет». На сдвинутых

столах, покрытых цветастыми скатертями, стояли колбасная и сырная нарезка, фрукты, коньяк и другие крепкие напитки. Директор ДК, вальяжный мужчина за шестьдесят с опухшим от частых «банкетов» лицом, был большой любитель выпить с каждой заезжей звездой. На почетном месте восседал господин О* с рюмкой коньяка. На его коленях уютно устроилась юная журналистка нашего местного телевидения «Угреша», бойкая и эффектная брюнетка Нина. Одной рукой она поправляла короткое алое платье, задравшееся от сидения на коленях, в другой держала бокал и лучезарно улыбалась. Эта картина была столь гармоничной, что мои тревоги мигом улетучились. Я поздоровалась и протянула фотографии.

Господин О* благосклонно поприветствовал меня и сказал значительно:

— Оля — хороший журналист!

— Да-да, Оля — хороший журналист, — закивала его прекрасная наколенница.

— И интервью вышло хорошее — ничего лишнего!

— Да-да, хорошее, — с готовностью подтвердила Нина...

Я вышла из ДК и глубоко вдохнула холодный, влажный от тающего снега мартовский воздух. Мне пришло в голову — а ведь в результате и я, и господин О* получили то, к чему стремились: я — хорошее интервью на 13.000 знаков, а он — юную журналистку у себя на коленях. Все-таки мироздание бывает поразительно благосклонным к нам, людям. Хотя чувство юмора у него довольно жесткое.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Андрей Фёдорович был бодрым стариком девяноста четырех лет. Ни на что не жаловался, хорошо ел и спал. «Давление у меня — как у космонавта», — хвастался он. Когда был в настроении, громогласно пел песни, чаще всего басовито затягивая свою любимую:

Хороша я, хороша,
Плохо лишь одета.
Никто замуж не берёт
Дэвицу за это!

Вот только ноги у него начинали слабеть. Бывает, голова кругом пойдет, колени подломятся, и тогда главное — за что-то руками ухватиться, а то костей не соберешь... Один раз он упал возле стола, потянув за собой скатерть вместе с чайником, чашками и вазой с вишневым вареньем... Эффектное получилось зрелище! По счастью отделался ушибами. Но обеспокоенные родственники после этого случая купили ему инвалидную коляску. «Ну а что? Обычное кресло, только ездит», — согласился он с новым способом передвижения и раз за разом стал все меньше вставать на ноги. У старика был покладистый, спокойный нрав. «Солнечный характер», — говорили родные.

И вот в таком-то почтенном возрасте, до которого, честно скажем, немногим из нас суждено дожить, на долю Андрея Фёдоровича выпало позднее романтическое чувство, да еще и, как он твердо верил, взаимное.

За дедом ухаживали хорошо. По будням приходила сиделка, дородная, усердная женщина немного за пятьдесят, Татьяна. На завтрак она кормила Андрея Фёдоровича его любимой манной кашей, готовила вкусные обеды, мыла его, делала массаж, а в солнечную теплую погоду подвозила в коляске к открытому окну — вместо прогулки, потому что лифта в доме, увы, не было. Старик не любил телевизор, точнее говоря, со времен перестройки его перестали устраивать новости, которые там показывали; а фильмы и концерты он считал глупым баловством. Зато Татьяну от телевизора, стоявшего на кухне, было не оттащить. В любую свободную минуту она утыкалась носом в экран. Так что собеседницей для Андрея Фёдоровича она была неважной.

Видел Андрей Фёдорович уже плоховато, тяжелые с толстыми стеклами очки почти не помогали, перед глазами все плавало и сливалось.

— Таня, что там за мужики в белых рубахах на крыше?

Татьяна подошла к окну и посмотрела, куда указывал его покореженный артритом палец — на крышу двухэтажной пристройки соседнего жилого дома. В пристройке сидело местное кабельное телевидение.

— Да это спутниковые тарелки на крыше торчат, Андрей Фёдорович!

— Что? Да? А точно? — Он прищурил слезящиеся серые глаза, сиюсь разглядеть. — А я вижу, что там три мужика в белых рубашках стоят, курят, на солнышке греются, важные такие...

— Фантазия у вас — дай бог каждому! — засмеялась Татьяна.

По выходным к деду иногда заходил старший правнук, пятнадцатилетний Иван. Тут плохие глаза Андрея Фёдоровича были скорее во благо, оберегая его душевное равновесие. Переносица у Вани была пробита пирсингом, а волосы крашены в иссиня-черный.

— Деда, я тебе даже завидую! Никого старше тебя не знаю! Ты скоро умрёшь и увидишь дьявола!

Дед не был обидчив и бестактность пропустил мимо ушей. Он усмехнулся.

— Дьявола мы убили в сорок пятом. Гитлером звали. Слышал про такого?..

И о чем-то вспомнив, продолжил:

— Вот что я расскажу тебе. Я из нашей деревни единственный в институт поступил, в Иваново, а в сорок первом всех студентов на фронт направили. Посадили в вагоны и — на запад...

Иван сидел тихонечко и не перебивал: склонившись над смартфоном, он играл в Майнкрафт.

Андрей Фёдорович как будто почувствовал, что его не слушают и вздохнул:

— Ваня, пойдй лучше погуляй, что со стариком сидеть.

Вечером домой возвращался пожилой зять, работающий пенсионер, вечно замученный жизнью и вечно рассеянный.

— Володя, найди мою старую записную книжку, — попросил его Андрей Фёдорович.

Зять извлек из ящика старого чешского комода блокнот с пожелтевшими страницами. В него Андрей Фёдорович

с незапамятных времен записывал адреса и телефоны друзей и знакомых, коллег, с которыми был близок и которые постепенно разъехались по всему Советскому Союзу, а к нынешнему времени — и еще дальше, отправившись в мир иной.

— Найди мне Кондратьева Олега Михалыча. Он единственный живой остался из нашей компании. Позвонить хочу...

Зять листал потрепанные страницы, и холодок бежал по его спине: на каждом развороте блокнота записи одна за другой были жирно перечеркнуты крест-накрест. Смерть гуляла по адресной книге деда-долгожителя... Он дошел до буквы «К» и увидел одну живую, не обезображенную косым крестом фамилию. Набрал номер в городе Бийске, и на другом конце провода ему ответил женский голос. Владимир пару минут о чем-то тихо разговаривал с этим голосом, потом положил трубку и нерешительно посмотрел на тестя.

— Ну! Говори уж, Володя! — Кажется, старик и так все понял.

— Умер Олег Михайлович. Семнадцатого июня — сорок дней. Дочь просила помянуть...

— Володя, а ну-ка возьми ручку и перечеркни вот тут, где Кондратьев. Да посильнее, крест-накрест, чтобы мне не забыть! — Андрей Фёдорович скорбно поджал губы. Глаза у него постоянно слезились, так что нельзя было понять, плачет он или нет.

На следующий день, не жаркий, но ласково-солнечный, после завтрака Татьяна подкатила инвалидное кресло с Андреем Фёдоровичем к распахнутому окну и оставила «гулять», а сама отправилась в магазин.

Андрей Фёдорович смотрел на деревья, на небо с редкими, рваными, как куски ваты, облаками, на трех мужичков в белых рубашках на крыше, про которых он теперь знал, что это, оказывается, спутниковые тарелки... И вдруг в доме напротив что-то привлекло его внимание. Ему показалось, что там, на балконе третьего этажа сидит немолодая женщина, кутается в большой белый платок и смотрит в его сторону.

В соседнем доме, на балконе третьего этажа стоял высокий деревянный стул-стремянка, а на нем несколько перевернутых вверх дном пластмассовых тазов, прикрытых белой клеенчатой скатеркой с ажурным краем. Но Андрею Фёдоровичу виделось,

что это там сидит, подставив легкому летнему ветерку лицо, пожилая дама в накинутом на голову и плечи белом платке.

Ветер теребил край клеенчатой белой скатерки, и Андрею Фёдоровичу казалось, что соседка шевелит рукой, поуютнее укутываясь в палантин, а заметив его, приветственно, по-соседски ему машет. Старик изо всех сил всматривался подслеповатыми глазами, стараясь рассмотреть лицо и понять, сколько ей лет. Но разглядеть не мог, поэтому решил для себя, что ей, должно быть, чуть больше восьмидесяти.

— Хорошо тебе, соседка, — балкон есть в квартире. А у нас в доме на третьем этаже балкон не сделали, — посетовал дед. И ему показалось, наверняка только померещилось, ведь невозможно же ей оттуда расслышать его слова? Но он увидел, что она грустно покачала головой.

Его соседка любила сидеть на балконе. Около полудня Татьяна, а в выходные зять Володя, подкатывали дедово кресло к самому окну, и каждый раз она уже была там, завернутая в белую шаль. Андрей Фёдорович решил, что женщина эта одинока: был бы кто у нее, разве бы сидела она так подолгу на балконе каждый день?

— Погода-то какая на завтра? Осадки не ожидаются? — стал спрашивать старик каждый раз, когда его прогулка подходила к концу.

Будет ли завтра его знакомая сидеть на балконе? Или — ливень, гроза, штормовой ветер, похолодание, и она спрячется? Но лето стояло солнечное, нежаркое, а дождик, если и припускал, то ночью или с самого утра. Изо дня в день, когда Андрей Фёдорович подъезжал к окну, симпатичная соседка была на своём балконном месте, поджидая его.

— Кому это вы? — не поняла Татьяна, когда он, глядя в окно, чуть заметно кивнул.

— Это я сам с собой, — как можно небрежней сказал дед. Ему пришло в голову: вдруг его Таня обидится, что он общается с какой-то незнакомой дамой. Кто этих женщин поймет?

Сиделка хотела было удивиться, но заспешила к телевизору, в котором, судя по звуку, заканчивалась реклама и начинался сериал.

— Зоя, моя супруга, умница моя и красавица, как рано от меня ушла! — рассказывал он соседке, и ему казалось, что его собеседница на балконе печально кивает. — Только шестьдесят исполнилось. Я-то ее постарше и думал тогда: скоро и я за Зоей, недолго осталось! И так хорошо мне от этой мысли становилось. Кто ж знал, что я тридцать лет буду после нее жить. И все живу и живу, и края не видно...

Через час-полтора сидения в кресле у Андрея Фёдоровича начинала побаливать спина. Он терпел изо всех сил, чтобы подольше побыть со своей новой знакомой. Как же не хотелось прощаться! Но в конце концов он не выдерживал и кричал Таню, чтобы она отвезла его в кровать, на подушки. И снова он спрашивал про погоду, и Татьяна его успокаивала, что завтра (по телевизору сказали, а значит — правда) дождя не будет.

Андрей Фёдорович стал все больше говорить соседке о своей жизни. Старался не быть навязчивым. Вдруг она только из вежливости так внимательно слушает?

Да, вот что ему важно было рассказать. Его в сорок первом на фронт уже совсем отправили с другими студентами Ивановского технологического института. В вагоны погрузили, привезли на перевалочный пункт, где им должны обмундирование выдать да короткий курс молодого бойца провести, и дальше уже — на линию фронта... А обмундирования-то и нет толком, и на всех не хватает. Андрею досталось два сапога на левую ногу, один сорок первого, другой сорок третьего размера. Вместо ружья палку дали, говорят, пока так, с палкой стрелять потренируйся, оружие тебе уже там выдадут. И тут как раз Сталин издает приказ, что всех студентов старших курсов технических факультетов на фронт не посылать, а срочно вернуть с полдороги обратно — доучиваться. В ускоренном темпе, год за два, и — прямиком на оборонку. Тогда только начали работать с нитроглицериновыми порохами, а специалистов по ним не было. Так он на фронт и не попал. Из их деревни в институт поступил только он, все парни ушли воевать, мало кто вернулся. Из четырех братьев он единственный остался в живых. Младший Мишаня раньше всех погиб, а ведь ему только восемнадцать исполнилось! Два письма успел родным в деревню написать, а потом уже похоронка пришла.

Андрей Фёдорович замолчал ненадолго и продолжил:

— Так и доучился в Иваново, а потом в сентябре сорок второго отправили меня в Пермскую область. Тогда она Молотовской была. В поселок в восьми километрах от города Соликамска, на производство порохов. Жили в бараках, хлеба по восемьсот грамм в день выдавали. Вроде и много, да хлеб какой-то и на хлеб не похож, тяжелый, плотный. Съешь — как камень проглотил. На завод — по гудку, к шести утра. Кто не придет на рабочее место — под трибунал... Там я с моей Зоей и познакомился, а в конце сорок четвертого с ней и свадьбу сыграли. Знатная свадьба была, богатая! Ведро винегрета, два ведра вареной картошки, ведро компота и ведро спирта. И аккордеон, конечно!

Как-то раз, когда сиделки не было рядом, Андрей Фёдорович попросил правнука рассказать, что там за соседка на балконе напротив? А Ваня, оболтус и насмешник, деду подыграл:

— Красивая такая бабуля сидит, шлет тебе воздушный поцелуй!

— Воздушный поцелуй?! — обомлел дед. Лицо его просияло и зарделось одновременно.

Он так взволновался, что и спрашивать больше ничего не стал, только сказал: «Тане не говори!» Ваня хихикнул, но пообещал молчать. И деда не подвел, тайну никому не выдал.

Вскоре Андрей Фёдорович решился рассказать своей милой соседке о том, как они с Зоей познакомились. Зоя приехала на завод в конце декабря сорок второго, после техникума. На Урал они с подругой добирались из Казани в ледяном вагоне. В бараке, куда их по приезде поселили, не было печки. Все спали в пальто. Когда они с дороги, голодные, захотели хотя бы попить, оказалось, что вода в баке замерзла. Через два дня обе свалились с тифом. Их в беспамятстве отвезли в ближайший госпиталь, в Соликамск. Только через два месяца, в начале весны, Зоя вернулась обратно. Одна, без подруги. Обритая налысо, с уже отросшим ершиком черных волос. Худящая, одни глаза на лице. И сережки в ушах болтаются. Ее и прозвали «мальчик с сережками». Такой он ее увидел впервые, и сердце защемило от нежности. Зоя была маленькая и хрупкая, выдаваемого по карточке хлеба ей хватало. А вот соседкам по углу в бараке — здоровенным дылдам, кровь

с молоком, сестрам Марковым — все было мало. Они набирали хлеб на несколько дней вперед и, подогревая ломтями на печке, съедали за один раз. А в следующие дни есть им было нечего. Зоя понемногу подкармливала их из собственной порции. А Андрей сердился на этих прожорливых дуриц Марковых и старался подсунуть Зое то картофелину, то сухарей...

Сиделка и родные замечали небольшие странности за Андреем Фёдоровичем. Но ничего тревожного. Настроение бодрое, аппетит хороший, давление в норме. Он стал больше думать о том, как выглядеть: то побриться попросит, то причесать, то вдруг нащупает на футболке дырку и попросит переодеть его в хорошую, целую. И на то, что стал бормотать, когда у окна сидит, тоже обратили внимание.

На вопрос, что это он вслух сам с собой говорит, он отвечал сиделке туманно: «Это я свою Зою вспоминаю...»

Все сошлись во мнении, что дай-то Бог им самим, дожив до его лет, так хорошо соображать и так мало чудить.

А дед, засыпая ночью, думал, что наверное... Наверное! Потому что разглядеть невозможно с его-то зрением... да и далеко этот соседний балкон... Но очень может быть, что глаза у этой соседки такие же карие, а взгляд такой же мягкий и задумчивый, как у его Зои. Интересно, думал Андрей Фёдорович, всё никак не проваливаясь в сон, а до какого возраста можно жениться? А если в девяносто? Распишут или на смех поднимут? Это он несерьезно думал, а так, по любопытству, как приходят всякие глупые мысли, когда в кровати лежишь, но еще не спишь... И что спина ноет по всему позвоночнику сверху донизу, тоже думал, потому что когда болит, никуда от этой мысли не денешься...

А следующим утром, рано, когда Андрей Фёдорович еще спал, владельцы квартиры на третьем этаже соседнего дома решили наконец-то разобрать балкон и вывезти стремянку, тазы и прочее барахло на дачу. Когда около полудня радующегося ясной погоде и свежему ветерку Андрея Фёдоровича подкатили на коляске к окну, он увидел, что его милой собеседницы с задумчивыми карими глазами и в белом платке-шали на балконе нет.

Он долго разглядывал балкон то одним, то другим слезящимся глазом, то вместе двумя разом, но на привычном месте видел только пустоту.

— Неужели померла соседка-то? — глухо сказал он сам себе. — Или может, дела у нее, ушла куда?

Но сердце его было не на месте, ныло и давило, распирая изнутри грудную клетку. Сердце подсказывало, что больше он свою милую собеседницу не увидит.

— Таня, Таня, скорее иди сюда! — закричал он со всех сил, перекрикивая телевизор на кухне. Она прибежала растревоженная: нечасто он звал ее таким громким голосом и так настойчиво.

— Таня, посмотри, вон там на балконе никого нет?

Татьяна посмотрела в указанном направлении и увидела пустой балкон.

— Никого там нет, и дверь закрыта, не волнуйтесь, что вам там привиделось?

Андрей Фёдорович поник.

— Значит, умерла, — чуть слышно пробормотал он. И добавил: — Да и мне уже давно пора! Сколько можно уже небо коптить! — Он даже разозлился и потряс небу кулаком.

Как нарочно, сразу после этого дня погода испортилась — зарядили дожди. Андрей Фёдорович, угрюмый и вялый, отказывался садиться в коляску и лежал в кровати, отвернувшись к стене. Аппетита у него не было. Он еще несколько раз просил Татьяну посмотреть, не сидит ли кто на том самом балконе в доме напротив, но она каждый раз сообщала, что балкон пуст и закрыт.

Конечно, он не умер ни сразу, ни почти сразу после этой истории. Так почти не бывает в жизни. Но он все больше лежал, думал о своем и уже не запевал низким голосом «Хороша я, хороша...». А ночами ему часто снилось, что он на своей коляске, как в лодке, гребя веслами, подъезжает к распахнутому окну и плывет дальше, по воздуху, к заветному балкону... А там его ждет, улыбаясь и отправляя воздушные поцелуи, его любезная соседка. Лицо у нее светлое и морщинистое, глаза карие, взгляд мягкий и задумчивый, как у Зои... Андрей Фёдорович просыпался посреди ночи от таких снов с колотящимся сердцем, и глаза у него слезились сильнее обычного.